

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Татьяна и Анна
ПОЛЯКОВЫ

Племя Майи

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ8

Редактор серии *Л. Латышова*
Оформление серии *Е. Петровой*

Полякова, Татьяна.
ПЗ8 Племя Майи / Татьяна и Анна Поляковы. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-251649-8

Майя жила обычной жизнью, пока не получила на почту загадочное сообщение от незнакомца: «Я знаю, кто убил твоего отца». А звонок от нотариуса с известиями, что какой-то мужчина оставил ей наследство, заставил привычный мир рассыпаться, как карточный домик. Все свои 29 лет девушка считала себя ребенком случайной связи, а теперь ей предстоит узнать правду о своем происхождении и раскрыть тайны прошлого ее настоящей семьи. Ответы ближе, чем она думает, и опаснее, чем можно представить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251649-8

© Татьяна и Анна Поляковы, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Ромка еле плелся позади меня и этим, признаться, жутко раздражал. До начала концерта оставалось всего пятнадцать минут, а с его скоростью мы рисковали добраться до филармонии только к антракту.

— Говорила же, надо на машине ехать, — бросила я через плечо.

Он картинно ухватился за свой пухлый бок, обтянутый белоснежным хлопком заботливо отутюженной Лизой рубашки, и лишь покачал головой.

— Нельзя, — выдавил Ромка, тяжело дыша. — Шампанское в буфете без меня не сможет! А после бокальчика-другого я не смогу за руль.

— Всегда думала, что ты ценитель других пенных напитков.

— Правильно думала, — согласился он, наконец поравнявшись со мной. — Но в филармонии с пивом туго.

— Приходится довольствоваться тем, что есть? Понимаю.

На самом деле понимала брата я лишь отчасти. С одной стороны, от похода на концерт отвертеться ему было чрезвычайно сложно. Совсем недавно в оркестр был зачислен бывший муж Ромкиной жены Лизы. Вот тут логичным

решением было бы держаться от филармонии подальше. Какой резон любоваться на пусть неактуального, но все же некогда супруга своей же благоверной? Но у Лизаветы Степановны на этот счет всегда был свой аргумент:

— Вы не понимаете! — картинно качала она головой. — Муж — это временно, а бывший муж — навсегда!

Ромку это почему-то не удивляло и даже не обижало. Будто он и сам был рад сознавать, что его брак — явление временное и когда-то этому всему придет конец. Впрочем, с появлением на свет Ариши, их дочери, шансы закрепиться в роли мужа уважаемой Елизаветы Степановны Лукиной наподольше заметно крепки.

Для Лизы брак с моим братцем был вторым, и это при том, что она младше меня на три года. Я вот еще ни разу не успела побывать замужем. Впрочем, расстраивало это меня не так чтобы сильно: картина, которую я наблюдала в доме Лукиных, была настоящей антирекламой семейных уз.

Лиза вечно была недовольна Ромкой, то и дело сравнивая его то с бывшим мужем, то с собственным отцом. Чаше с первым, конечно. Сравнения, как правило, были не в пользу брата.

— Вот Епифан килограмм на двадцать худее тебя, — заявила она как-то прямо посреди семейного застолья.

Епифан Лукин — тот самый скрипач, который сегодня выступал в филармонии в составе

оркестра, и бывший муж Елизаветы. Фамилию она, кстати, после развода менять не стала, и после брака с Ромкой — тоже. Наша прекрасная древняя фамилия Бубликовы ей почему-то не нравилась. Она даже братца склоняла стать Лукиным, чтобы в семье не было расхождений в этом вопросе, но тут, надо отдать ему должное, Ромка был непреклонен.

— С одним Лукиным уже не сложилось, — проворчал он как-то, когда мы все вместе гостили на нашей семейной даче. — Вдруг дело в фамилии?

— Нет, ну как я тебя людям представлять-то буду? Знакомьтесь, мой муж, Роман Вениаминович Бубликов?

— А что не так? — искренне недоумевал братец.

— Нет, ну угораздило же вас, — сетовала Лиза, переводя жалостливый взгляд с него на меня.

— Не понимаю недовольства, — вступилась я за Ромку. — Нормальная фамилия, меня за нее даже в детстве не дразнили.

— Ну правильно, с таким-то именем! — хохотнула Лиза.

Я вытаращила глаза, силясь убедить себя в том, что мне послышалось.

— Имя-то ее тебе чем не угодило? — полностью разделил со мной недоумение братец.

— Майка, сними майку! — выдала Елизавета Степановна, радостно хлопнув в ладоши, будто ей было лет пять, а не на добрых два десятка больше.

В тот момент я поняла, что тактом девушку обделили в пользу других качеств. Видимо, внешних. Голубоглазым блондинкам в жизни в целом можно как будто бы чуть больше, чем всем остальным. Очевидно, в силу того факта, что людей на планете с таким цветом волос и глаз заметно меньше, чем всех остальных. Так, по крайней мере, утверждает упрямая статистика. И фамилии, конечно, таким людям следует носить исключительно благозвучные.

Вскоре оказалось, что обидная дразнилка с моим именем — лишь цветочки. Потому что Лиза тогда продолжила как ни в чем не бывало:

— А вообще, почему у вас фамилии одинаковые? — нахмурилась она. — Вы же двоюродные. Ромкин папа — родной брат твоей матери, так?

— Да, — кивнула я.

— Ну и чего ты с девичьей фамилией матери ходишь, почему отцовскую не носишь?

Ромка хотел было что-то сказать, но я его опередила:

— Нет у меня отца.

Любой другой человек в этот момент смутился бы. Попытался перевести тему или извиниться за бестактность. В крайнем случае — отшутился бы. Но только не Лизавета Степановна.

— А отчество есть? — спокойно спросила она.

— Есть, — твердо заявил Роман, чем несказанно меня порадовал. — Хочешь узнать его, чтобы еще какую-нибудь детскую дразнилку придумать?

Я уж было думала, что брат прочно засел под каблуком, но стала свидетелем настоящего чуда.

— Обойдусь, — обиженно буркнула Лиза, привыкшая, что она одна задает тон любой беседе.

В общем-то, это было совсем недалеко от истины. Лизавета Степановна умела не только направить разговор в нужное ей русло, но и склонить на свою сторону даже тех, кто был с ней категорически не согласен.

Со мной это не очень-то работало. Я быстро раскусила жену брата, и, поняв это, в моей компании Лиза присмирела. Ну а Ромке с каждым годом доставалось все больше. Вместе они провели уже три, но я бы засчитывала минимум год за пять.

Вот и сегодня братец после работы плелся со мной в филармонию. Я, между прочим, торопилась туда по доброй воле, чего нельзя было сказать о Роме. Он исполнял наставление жены, а не стремился послушать на досуге классическую музыку, как я.

Будь его воля, он с гораздо большим удовольствием провел бы время у телевизора, слушая концерт группы «Любэ», или потягивая пиво с друзьями в караоке, старательно подвывая Лепсу в засаленный микрофон.

Однако как только Лукин устроился в филармонию, он первым делом снабдил приглажительными Лизавету Степановну.

— Епифан обидится, если мы не воспользуемся проходками, — театрально куксилась она, сидя за столом в их с Ромкой кухне.

— Сама и пользуйся!

— А Аришу кто кормить будет? Кормящий отец?

— Почему бы и нет? Не зря же умные люди смесь изобрели.

— Ага, для тех, у кого молока нет! — не сдавалась она. — Хотя с такими нервами и у меня оно скоро пропадет! — Тут голос Лизы делался едва ли не трагическим.

Далее следовала продолжительная пауза, в течение которой Ромке полагалось осмыслить всю тщетность собственных попыток отказать супруге, а также осознать степень ответственности за выработку молока в груди кормящей матери.

Разумеется, избежать похода в филармонию шансов у брата не было. Выручать его в беде предстояло мне. Во-первых, никто из его друзей на это не пошел бы, даже если Ромка предложил бы им доплатить за альтруизм. Во-вторых, звать товарищей на концерт бывшего мужа собственной жены казалось странным даже мне. Ну и, в-третьих, я сама вызвалась выручить брата. Не только из любви к музыке и родственнику, но и просто потому, что так у нас повелось с детства: стоять друг за друга горой.

Родных братьев и сестер у меня не было, а мне очень хотелось иметь старшего брата. У моей подруги детства Кати, например, он был. Да, им приходилось делить одну комнату на двоих и даже письменный стол, а также периодически отстаивать собственные интересы в драках. Подруга жаловалась на супостата,

потирая свежие ссадины, а я вздыхала. Она-то думала, из сочувствия, но на самом деле из зависти. Очень уж хотелось и мне иметь брата. Я бы даже, пожалуй, сама предлагала ему наставить мне тумачков, по-братски.

Собственно, брат у меня имелся, к тому же старший, пусть и всего на тринадцать дней. С одной только оговоркой — Ромка был мне двоюродным и жил, как назло, на другом конце города. В детстве мы виделись преимущественно на семейных праздниках да летом на даче. Там во время школьных каникул мы и отрывались по полной.

Уж не знаю, мечтал ли Ромка о родной сестре, но что-то мне подсказывает, что меня ему хватало с лихвой. К тому же у него, в отличие от меня, был старший брат. Самый настоящий. Вот только разница в возрасте у них была целых одиннадцать лет, а потому, когда Ромка пошел в первый класс, Вовка пошел в армию. А после и вовсе женился да переехал в другой город. Так что со мной у Ромы отношения сложились гораздо более близкие, чем с собственным братом.

Мы, в отличие от моей подружки, не дрались и всерьез не ссорились, даже несмотря на то, что летом на даче делили одну комнату на двоих. Точнее, целый чердак. На него снизу вела довольно крутая лестница, а потому взрослые были там редкими гостями. Мы же с удовольствием проводили там дождливые дни за играми в шашки и карты. Нередко с нами ночевал Мурзик — проворный серый кот нашей бабушки, имевший уникальную способность ■

мурлыкать громче трактора. Кажется, она даже немного ревновала к нам своего питомца.

Как-то раз Мурзик пропал. Он не появлялся дома больше суток, что для нашего кота было совершенно нетипичным. Бабушка пила сердечные капли и жалобно звала любимца, бродя туда-сюда по проселочной дороге.

Ареал нашего с Ромкой поиска был куда шире, нам тогда было уже по четырнадцать лет, и мы были вполне самостоятельными. Однако результаты поиска также были нулевыми. На третьи сутки мы повесили возле местного магазина объявление с описанием Мурзика и призывом срочно связаться с нами, если кто-то увидит беглеца.

Вскоре нам позвонил Андрей. Он жил в соседней деревне и утверждал, что который день к нему на крыльцо приходит ночевать кот с подбитой лапой, весьма подходящий под описание нашего Мурзика. В тот же вечер Андрей привез нашего кота. Парень приехал на мотоцикле. За пазухой у него сидел наш питомец, успевший пострадать в какой-то драке, а за плечами парня висела гитара. Именно тогда я и влюбилась в музыку. Ну и в Андрея, разумеется, тоже. Затрудняюсь сказать, в кого из них больше, но, вернувшись в конце лета в город, твердо решила тоже научиться играть на каком-нибудь инструменте. Очень уж хотелось произвести впечатление.

Возраст мой для обучения в музыкальной школе сочли весьма почтенным и зачислять отказались наотрез. А вот частные уроки предложили. Правда, в качестве инструмента сватали балалайку. Перспектива меня мало прельщала, а потому

стены учебного заведения я покидала почти бегом. Затею, однако, не оставила и вскоре сама по объявлению нашла преподавателя игры на гитаре. Им оказался выпускник все той же музыкальной школы, единственной в нашем городе. Слава был на три года меня старше, на голову выше Андрея, да и гитара его мне нравилась куда больше.

Впрочем, и в Славе, и в Андрее уже к следующему лету я успела разочароваться, а вот любовь к музыке смогла пронести сквозь года. Пару незатейливых мелодий на гитаре я способна сыграть до сих пор, но все же предпочитаю слушать исполнение профессионалов.

То, что Лукин, бывший муж Елизаветы, является таковым, я нисколько не сомневалась: иначе его бы попросту не взяли в филармонию. Однако определенное любопытство и волнение присутствовали, будто я отправлялась на выступление близкого человека. На самом же деле с Епифаном я лично знакома не была, хотя слышала о нем столько, что впору причислять музыканта к родне.

Не знаю, охватывали ли подобные чувства по отношению к бывшему своей нынешней моего брата. По мне, так, кроме досады, он ровным счетом ничего не испытывал. Хотя, как только мы переступили порог филармонии и протянули для контроля билеты, я услышала в его голосе удовлетворение:

— Успели!

Часы в фойе показывали ровно семь часов вечера.

— Ты как будто даже рад, — хмыкнула я.

— Еще бы! Иначе сначала мне досталось бы от тебя, а потом еще и от Лизаветы.

Возразить на это мне было нечего, да и промолчать следовало бы в любом случае — мы как раз вошли в концертный зал. Места нам достались отличные — в самом центре третьего ряда. Только мы успели присесть, как дирижер взмахнул палочкой, и музыканты на сцене с готовностью оживили свои инструменты.

Наслаждаясь музыкой, я вдруг поймала себя на мысли, что не свожу взгляда со скрипачей, пытаюсь угадать в их лицах Епифана. Наконец я повернулась к брату, решив утолить свое любопытство. Ромка сидел, сложив руки на груди и прикрыв глаза. Можно было бы подумать, что человек проникся искусством. Причем впечатлился настолько, что хочет пропустить через себя звуки музыки, не желая видеть ничего вокруг, только впитывать прекрасное. Однако я слишком хорошо знала брата, чтобы сразу понять, — он беззастенчиво дрыхнет!

Тайну Лукина мне удалось разгадать только в антракте. Как только музыка стихла, Ромка, резко стряхнув с себя сон, словно пес — капли воды с густой шерсти, выпрямился в кресле и с готовностью позвал:

— Идем!

Уточнять, куда зовет меня братец, было лишним. Я прекрасно помнила, зачем он сюда явился. Ромка стоял надо мной, взглядом намекая, что следовало бы поторопиться.

Уже в буфете, где мы устроились за высоким столиком с двумя бокалами шампанского и за-

ветренными бутербродами с саями — икру, когда подошла наша очередь, успели разобрать, — я спросила брата:

— Как выглядит Лукин?

— Обыкновенно, — пожал плечами Ромка, сделав большой глоток.

— А конкретнее? Пыталась угадать, кто из скрипачей — наш Епифан. Их там четверо мужского пола.

— Тот, что дальше всех от нас сидит, — ответил брат, а я поразилась, что он успел что-то разглядеть на сцене, прежде чем провалиться в сон.

Все второе отделение я не сводила взгляда с Лукина. Играл он мастерски и выглядел, кстати, тоже неплохо. Отчего-то Епифан представлялся мне невзрачным сутулым мужичонкой. На деле это был высокий широкоплечий мужчина с модной, слегка удлиненной стрижкой. Я вдруг вспомнила Андрея и Славку разом и подумала, что гитара Лукину в качестве музыкального инструмента подошла бы куда больше скрипки. Не исключено, что именно о ней он в свое время и мечтал, но ему предложили другой инструмент, как мне балалайку когда-то.

К окончанию концертной программы брат успел основательно выспаться, а я в деталях изучить Лукина.

— Ром, а почему Лиза с Епифаном расстались? — спросила я, когда мы оказались на улице.

— А ты думаешь, легко с ней жить? — ухмыльнулся брат.

Я так не думала, а потому сочла за благо промолчать.

— Заедешь к нам? — предложил Ромка.

— Поздно уже, Ариша спит.

— Давай завтра, как проснешься. Расскажешь Лизавете, как концерт прошел, а то ведь замучает меня вопросами.

— Ну так и расскажешь любимой. У меня на завтра другие планы.

— Предательница! — с напускной обидой в голосе произнес брат.

— Просто скажи, что Лукин блистал! — посоветовала я. — Играл виртуозно. Лучше всех!

— Правда так считаешь? — с сомнением спросил он.

— Вполне, — честно ответила я. — И мужчина он, кстати, весьма привлекательный!

— Предательница вдвойне!

— Вовсе нет! Это лишь говорит о том, что у твоей Лизы хороший вкус.

Мой ответ Ромке понравился. Он довольно улыбнулся и приосанился.

Никаких планов на следующий день у меня, разумеется, не было. Просто не хотелось обнадеживать брата. Тем более что я давно обещала маме и бабушке доехать до дачи. Первая проводила там отпуск, вторая — пенсию.

Вернувшись домой, я открыла ноутбук, чтобы проверить рабочую почту и закрыть все дела в преддверии выходных.

Один имейл сразу же привлек мое внимание. В графе «отправитель» значилась целая строка из вопросительных знаков, а тема письма гласила: «Я знаю, кто убил твоего отца».

Удивительно, как сюда просочилась эта ерунда, ведь я давно поставила мощный фильтр против рассылок и спам-сообщений. Я хотела было отправить послание в корзину, но, уже занеся руку над клавишей, передумала и все-таки открыла письмо. Как ни странно, оно было абсолютно пустым: только тема и отправитель. Электронная почта автора состояла из бессмысленного набора букв и цифр: типичный спам. Надо будет привлечь Ромку, он неплохо разбирается в компьютерах — пусть проверит мои фильтры.

Спала я прекрасно, пробуждение было легким и приятным. Мысль о том, что сегодня мама с бабушкой наверняка испекут пироги с картошкой, которые я обожала с детства, заставила меня быстро подняться с постели и отправиться в ванную. Пожалуй, надо навестить их и внести разнообразие в их дачную жизнь. Да и в свою, что уж там.

Как только я вышла из душа, вытирая волосы полотенцем, услышала, что в кухне надывается телефон. Я почти не сомневалась, что звонит Ромка, успевший соскучиться по моей компании и пресытиться Лизкиной.

Однако номер на экране я видела впервые.

— Алло, — буркнула я, смахнув пальцем по экрану.

— Майя Аркадьевна Бубликова?

— Она самая.

— Меня зовут Петр Евгеньевич Громов, я нотариус. Вынужден сообщить, что ваш отец скончался.

Я растерялась. Имя собеседник назвал мое, но информация будто бы предназначалась кому-то другому.

— Это ошибка.

— Майя, уверяю вас, ошибки быть не может.

— У меня нет отца, — упрямо отрезала я.

— Мне очень жаль, что вы узнаете о родителе при таких обстоятельствах, когда его уже нет в живых...

— В моем свидетельстве о рождении, если хотите знать, стоит прочерк в графе «отец». Прочерк, понимаете?

— Предлагаю встретиться, Майя, — проигнорировал мой вопрос Громов. — Я пришлю вам координаты. Будет прекрасно, если сегодня вы найдете время для визита, завтра — выходной день.

Нотариус отключился прежде, чем я успела отреагировать на его слова. Через секунду на экране телефона уже появилось сообщение с адресом. Улица Левобережная находилась в самом центре.

Я вернулась в ванную и принялась сушить феном волосы, не сводя взгляда с отражения в зеркале.

Сколько раз я задавалась вопросом, кто мой отец? Кажется, миллион, не меньше. Мать всегда избегала любых разговоров о нем, повторяя, что не помнит даже имени моего родителя. По ее словам, это была случайная связь на одну ночь с мужчиной, который приехал в наш город в командировку.

По крайней мере, эту версию она транслировала с тех пор, как я стала подростком и мои

вопросы о втором родителе игнорировать более не представлялось возможным. В детстве мать просто говорила, что так случается, и отцы бывают не у всех. До определенной поры это работало, ну а потом пришлось посвятить меня в детали. Хотя деталями это можно было назвать с большой натяжкой.

Я появилась на свет довольно поздно для первенца, маме на тот момент было уже тридцать восемь.

— Разумеется, я приняла решение рожать, — объясняла она, когда мне было лет тринадцать. — И нисколько об этом не пожалела!

— А папа знает... Ну, о моем существовании?

— Нет, — твердо заявила мама.

— Он был женат? — предположила я.

— Я не знаю, Майя. Повторяю, это была мимолетная связь, на одну ночь. Так бывает у взрослых людей.

— Ну неужели ты даже имени его не спросила? — не сдавалась я, отчаянно стремясь узнать об отце хоть что-то.

— Он представился, если ты это имеешь в виду. Просто я забыла, как его звали.

Иначе как чушь ее ответ охарактеризовать было сложно. Впрочем, я не знала мать до своего рождения. Возможно, она и вправду была настолько неразборчива в связях, что имена кавалеров тут же вылетали из ее ветреной головы.

— Я на него похожа? — сменила я тему, понимая, что узнать имя родителя вряд ли удастся.

— На деда, ты же видела фото.

Снимки дедушки я, конечно, видела. Более того, даже смутно его помнила — его не стало, когда я пошла в первый класс. Однако ничего общего, на мой взгляд, в нашей внешности не было. Разве что темно-русый цвет волос, так себе отличительная черта, надо заметить.

Свои шансы узнать еще хоть какие-то подробности об отце я оценивала как минимальные. Дело в том, что моя мама всю жизнь проработала психиатром. Более того, даже сейчас, достигнув пенсионного возраста, от работы отказываться не собиралась, а это уже многое говорило о ее отношении к профессии. То есть как уйти от ответа, заставить верить в свои слова и манипулировать людьми она знала прекрасно. Более того, еще в детстве для меня стало очевидным, что главный ее пациент — именно я.

Уже к третьему классу, когда сверстники мечтали, что станут космонавтами и воспитательницами в детском саду, я твердо знала: пойду в психиатры. Очень уж хотелось научиться противостоять матери, да и подготовку к профессии она мне обеспечила отличную.

Как бы я ни старалась, с математикой дружба у меня не сложилось, а потому о поступлении на медицинский факультет пришлось забыть. Поступив на психологический, я быстро поняла, что судьба распорядилась правильно: врач из меня вряд ли вышел бы толковый, а вот тесная работа с людьми подходила мне как нельзя лучше.

У мамы на этот счет было, разумеется, собственное мнение.

— Надо было на журналистику поступать, — заявила она уже после первого моего семестра в университете.

Окончила я его, кстати, на отлично.

— Это почему?

— Была бы понятная гуманитарная специальность, реализовала бы все свои таланты. А тут что? Недоврач, недоболтун! — пренебрежительно резюмировала мать.

С ее точки зрения, психологи были сплошь шарлатанами, то ли дело врачи-психиатры. Я относилась к этому с некоторым снисхождением. В конце концов, когда мама получала свою профессию, психология и наукой-то толком не считалась, а уж психологов в мягких креслах с блокнотами в руках и вовсе можно было увидеть лишь в фильмах о красивой и очень далекой жизни.

Надо ли говорить, что мамин скепсис послужил для меня прекрасным стимулом стать успешной в своей профессии. Уже на третьем курсе я начала подрабатывать в школе, а к окончанию университета меня с удовольствием взяли школьным психологом на полную ставку. Работать с детьми мне нравилось, к тому же график позволял, и вскоре я нашла вторую работу: в частном психологическом центре по работе с детьми и подростками.

— Ишь ты, и стаж идет, и денежка капает, — радовалась за меня бабушка, когда я впервые приехала на дачу на недавно купленном «Хендае».

Кажется, мама тоже радовалась, но молча. Признавать свою неправоту она не любила.

Я прекрасно знала эту ее особенность, а потому не ждала с ее стороны одобрений.

То, чего я действительно ждала, — это момента, когда, по ее мнению, я буду достаточно взрослой, чтобы наконец хоть что-то узнать о своем отце.

Последний наш разговор о нем состоялся прошлой осенью. На первое сентября, несмотря на то, что учителем я не являлась, школьники надарили мне ворох букетов. Часть из них я решила отвезти маме, прихватив и пару коробок конфет, полученных от учеников.

Мы пили чай в ее уютной маленькой кухне, дверь на балкон была открыта, где-то внизу галдели дети. На плите закипала турка с кофе.

— Надо тебе уходить из школы, — заявила родительница, протягивая руку, чтобы выключить конфорку.

Я нахмурилась.

— Одни бабы кругом, — сморщилась она. — Время-то идет, пора к мужскому коллективу прибиваться.

— Мне даже тридцати нет, — напомнила я. — Замуж успею.

— Я тоже так думала, — вздохнула она, сделав большой глоток кофе из своей любимой красной кружки. — И что?

Я вопросительно на нее посмотрела.

— Сижу на седьмом десятке одна-одинешенька.

— Вообще-то со мной. — Я даже закашлялась.

— Спасибо тебе.

— За что? — удивилась я.